

Стоишь в церкви, слушаешь древние напевы – и жив»[4, 312].

Для Страхова полное понимание и восприятие молитвы пришло во время путешествия на Афон, Святую Гору, населенную монахами. Философ отмечает, что именно там живет «дух нашего православного благочестия. Там – одно из чистейших воплощений того животворного начала, которое составляет истинную душу русского народа. Афон есть поприще и училище святости, а святой человек есть высший идеал русских людей»[5, 4]. Проведя на Афоне более двух недель, Страхов не мог не отметить абсолютно позитивное отношение монахов к жизни. Их лица сияли душевной радостью, торопящиеся голоса были чисты, ласковы и свободны, в каждом предмете находили они веселую сторону: «В продолжение двух недель я не слышал ни единого крика, ни единого сердитого слова; эта удивительная тишина, прямое отражение душевного мира, поразила меня в первый день, а потом пленяла все больше и больше»[5, 7].

Мыслитель полагает, что причины «светлого» поведения таятся во многом: считается грехом быть подверженным чувству уныния и тоски, вежливость монаха имеет глубокую и твердую основу – искреннее смирение («Промаях в обращении с людьми скорее сделает мирской человек, никогда не бывавший свободным от гордости житейской»[5, 5]), а, главное, они считают жизнь по самому её существу блаженной

жизнью, исполненной лучших радостей, доступных человеку на земле. Главной радостью для монаха, открывающей способность жизни играть и переливаться самыми яркими и радужными красками, является молитва. Обычному человеку сложно воспринять молитву такой, какой полагают её монахи. Причина проста: так трудно быть человеку свободным душой, так трудно, даже на короткий срок, пожить чем-нибудь другим, помимо личных интересов, мелких забот, из которых и складывается целая жизнь. Молитва «сладка для тех, кто сердечно расположен молиться; но мы так мало чувствуем в себе этого расположения, мы с таким трудом возбуждаем в себе на недолгие минуты некоторую тень этого расположения, что всякое молебствие очень скоро вызывает в нас несносную борьбу и скуку, и для многих бывает истинным мучением»[5, 14]. Однако, придя в церковь, оставив мирские заботы за дверью и впитывая каждой клеточкой своего «Я» тепло и свет, который дарит нам сей храм, начинаешь хотя бы в малейшей степени воспринимать молитву так, как монахи на Афоне: «Молитва есть обращение к Богу, и, если только мы действительно обращаемся к Богу, она приводит нашу душу в одно из высших и отраднейших состояний»[5, 13]. Если просыпается в сердце русского жажда молитвы, просыпается вместе с нею и вера в духовное возрождение всей русской нации.

1. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

2. Меньшиков М.О. Выше свободы. – М.: Современный писатель, 1998.

3. Страхов Н.Н. Пример апатии. – Время. – №1. – 1861.

4. Страхов Н.Н. Воспоминание о поездке на Афон // Русское самосознание. – Вып. №7.

5. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. – СПб., 1890/

6. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М.: Алир: ГУП Облиздат, 1999.

И.И. Катанасев

Чита

Образование как социальный институт (антропологический анализ)

The article deals with the analyses of education that is observed as one of the most important institute in modern society. The author uses the anthropological approaches in sociology that is usually indifferent to the problem of modern institution. The exceptional attention is paid to B. Malinowski's and C. Levi-Strauss' theories.

Беглый взгляд на уже проделанный анализ образования как социального института у ряда исследователей показывает постоянство в используемых фамилиях и привлекаемых теориях. Так, если мы возьмем для примера учебник по

социологии образования Г.Е. Зборовского и Е.А. Шуклина (1), то авторы привлекли концепции таких ученых, как Э.Дюркгейм, П.Сорокин, М.Шелер, К.Майнхейм, П.Бергман, Т.Лукман. Нет сомнения в том, что указанные исследова-

тели являются классиками социологии, и без их методологических и теоретических построений не обходится ни одно исследование в любой социологической отрасли. Однако обескураживает отсутствие имен представителей функционального и структурно-функционального направления. Дело даже не в том, что ученые этих школ являются скорее социальными антропологами. Исследования функционалистов и структурных функционалистов концентрировалось в основном вокруг социальной структуры как институционально оформленной системы родства, семьи и других видов семейно-брачных отношений. К тому же обосновывается эффективность такого метода к исследованию обществ с примитивной структурой общественного развития. Тем не менее проведенная работа по концептуализации терминов «социальная организация», «социальная структура» и «социальная функция» в этих школах может помочь в уточнении образования как социального института. В то же время антропологические изыски исследователей данных направлений придадут гуманистический оттенок научным рассуждениям, а на микросоциологическом уровне (с учетом вышесказанного замечания) данные методы не исчерпали своих эпистемологических возможностей.

Логично обратить внимание в научных построениях такого рода к работам Б.Малиновского как основателя функционального направления. В своей работе «Функциональная теория» исследователь излагает теоретические основы своей концепции (3), где две последние аксиомы функционализма посвящены понятиям «Институт» и «Образование». Ученый пишет: «Эти виды деятельности, установки и объекты, организующиеся вокруг жизненно важных задач, образуют такие институты, как семья, клан, локальное сообщество, племя, а также дают начало организованным группам, объединенным экономической кооперацией, политической, правовой и образовательной деятельностью».

С динамической точки зрения, т.е. в зависимости от типа деятельности, культура может быть аналитически разделена на ряд аспектов — таких, как образование, социальный контроль, экономика, системы знаний, верований и морали, а также различные способы творческого и артистического самовыражения» (3, 684).

На первый взгляд, данные аксиомы носят ясный характер и позволяют ясно определить понимание природы образования и его институциональной сущности функционалистом. Всякая единица культуры является результатом удовлетворения потребностей человеческого организ-

ма, которые в ходе определенной деятельности организуются в некий институт. Это связано в первую очередь с необходимостью координации усилий нескольких членов общества. Тем не менее, такого рода рассуждения не позволяют проникнуть внутрь такого института и взглянуть на механизм его функционирования. Б.Малиновский, отрицавший к тому же историческую реконструкцию, в этой же работе подробнее останавливается на структуре института.

Для понимания целостности межличностной организации ученый вводит понятие «хартия», которая «всегда соответствует желанию, комплексу мотивов, общей цели» (3, 691). Поскольку исследователь сосредоточил свое внимание на описании семейных отношений доцивилизационных культур, то в его понимании хартия носит конвенциональный характер. Среди основных элементов института Б.Малиновский также называет правила, состав группы, нормы сотрудничества и поведения и материальную среду (3, 692).

В наших теоретических построениях большое значение имеет утверждение антрополога о том, что «при совместной деятельности непосредственное сотрудничество между людьми оказывается незаменимым и имеет тенденцию принимать организованные формы» (3, 692).

По нашему мнению, у функционалиста есть продуктивное рассуждение о территориальном принципе организации какой-либо группы, которое не получило в науке должного внимания. Вот что по этому поводу говорит ученый: «Территориальный принцип может служить основой для дальнейшего расширения групп и образования областных единиц, объединяющих несколько локальных групп» (3, 693). На примере племени Б.Малиновский показывает, что оно является преобразованием некой первоначальной группы, распространенной на определенной территории и усложнившейся в процессе развития социальной организации и сотрудничества.

Поскольку исследователь не отрицал эволюционного принципа, то в его теоретических построениях возникновение профессиональных институтов связано с интеграцией большой группы институтов, которые отражают разнообразные типы деятельности (или разнородные аспекты культуры по Б.Малиновскому), как образование, экономика, судопроизводство, магический обряд и религиозное богослужение, и могут как воплощаться, так и не воплощаться в специфических институтах («Каждая группа специалистов превращается во все более сплоченную профессиональную организацию») (3, 695-696).

Основателем структурно-функциональной теории принято считать английского антрополога А.Радлифф-Брауна. При классификации научных направлений в социологии и социальной антропологии Б.Малиновского и А. Радлифф-Брауна принято ставить в одном разделе, что не совсем правильно в содержательном отношении, поскольку их идеи во многом противостоят друг другу. Комментаторы теории ученого говорят скорее о дюркгеймовской традиции в научных построениях английского исследователя, а разработанный им метод и характер его научной деятельности позволяет назвать его социологом в социальной антропологии (4).

В своей теории ученый разводит понятие «социальная структура» и «социальная организация». Определяя в качестве составных элементов социальной структуры «индивидуальные человеческие существа, фигурирующие в социальной жизни как действующие лица, или персоны», А.Радлифф-Браун говорит о структуре как об упорядоченной расстановке лиц по отношению друг к другу (5, 261). Организация понимается как упорядочение деятельности: «социальная организация есть упорядочение деятельности двух или более лиц, взаимно подогнанных и образующих единую комбинаторную деятельность» (5, 262). Такое четкое противопоставление двух социологических понятий позволяет предельно узко трактовать понятия «институт», который, по мнению антрополога, «есть установленная, или социально признанная система норм и образцов поведения, относящихся к тому или иному аспекту социальной жизни» (5, 271). Оба социальных образования являются устойчивыми системами, в которых меняется лишь численный и качественный состав. Это позволяет говорить ученому о социальной преемственности.

Сопоставительный анализ этих двух магистральных направлений в социальной науке позволяет вычленить основные элементы, которые необходимы при построении или определении любого социального института. Такими важными элементами являются состав группы людей, которая упорядочена определенным образом – иерархически (структура) или профессионально (организация), правила и нормы поведения, материальная база и, наконец, то, что мы современным языком можем назвать идеология (цель). Важным является замечание Б.Малиновского о том, что все это упорядочено территориально. Более того, мы считаем необходимым введение в эту схему и временной координаты, поскольку временно-пространственная детерминация позволит лю-

бой конкретный институт локализовать не только в определенной географической и (или) региональной среде, но и в историческом контексте. Это позволит определить механизмы развития любого институционального образования. Таковым будет являться, в логике структурно-функциональной теории, рост потребностей населения, поскольку общество можно рассмотреть как сверхиндивидуальный организм, требующий поддержания своего существования. В социальной теории рост потребностей населения увязывается с его численным увеличением, поскольку это приводит к изменению соотношения ресурсов и потребляемой энергии (Л.Уайт) или просто к увеличению давления населения на территорию своего проживания (экономический детерминизм). Однако мы можем говорить о качественных изменениях, происходящих в структуре потребностей людей какого-либо региона. Подобного рода сдвиги могут вызываться объективными процессами (независящими от человека) и субъективными (спровоцированные чьей-либо волей).

Но нельзя забывать, что речь идет не о бесписьменном обществе, о котором чаще всего говорят антропологи, а о современном индустриальном государстве, где важным составляющим является политический курс. Изменение в институтах общества, следовательно, носит в таких случаях плановый характер и выстраивается в конкретном регионе с учетом множества факторов.

Важным здесь является выявление взаимосвязи всех элементов, образующих институт. Незначительной переменной в такой схеме является количественный показатель и ряд качественных вариантов (гендерный, социальный характеристики человека, включенного в институт и т.д.). В то время как структура, нормы, материальная база, идеология взаимообусловлены и взаимопределяемы. Изменение одного из этих элементов приведет к изменению другого. Следовательно, при проектировании или проведении структурных изменений необходимо помнить об этой взаимосвязи и вносить соответствующие корректировки.

Для более четкого представления строения социальной структуры, логики ее функционирования вполне эффективным является обращение к структуралистской теории в социальной антропологии. Бесспорным классиком здесь является основатель этого направления К.Леви-Стросс. Вплетение его достижений в наши рассуждения о современных социальных институтах требует таких же оговорок, как и в случае с Б.Малиновским и А.Радлифф-Брауном. Фран-

цузский ученый выстраивает структурную теорию на основе анализа элементарных структур родства и мифологических системах племен Южной и Северной Америки.

Самое главное достижение основателя структурализма, на наш взгляд, заключается в обнаружении скрытой логики, которой подчиняется структура. Он доказал, что за кажущимся необузданным творчеством первобытного мышления скрывается имплицитное действие законов разума, носящих объективный характер. При всей спорности проведенного антропологом исследования, тем не менее, приходится констатировать, что он достиг цели, которую сформулировал следующим образом: «Поэтому, если удастся доказать, что за кажущейся произвольностью, свободной и ничем не связанной изобретательностью лежат законы, действующие на более глубоком уровне, то заключение станет неизбежным: разум, оставшись наедине с самим собой и освободившись от обязанности компоновать объекты, сводится к тому, чтобы в каком-то смысле имитировать себя как объект; его законы и операции не отличаются принципиально от тех, которыми он руководствуется при осуществлении другой функции, и он таким образом удостоверяет свою природу вещи среди вещей» (2, 19).

Результат исследований К.Леви-Строса позволяет констатировать наличия у социальной структуры определенных закономерностей построения и развития. Они могут совпадать не

только с общими законами развития общества, но даже им противоречить. Это объясняется наличием собственной сопротивляемости, присущей любой структуре, даже социальной, что фиксируется и культивируется в традициях и имплицитных нормах. В свою очередь, они придают социальному институту не только устойчивость, но инертность. Особенно важен учет этой характеристики при построении интеграционных процессах на региональном и международном уровнях. В последнем случае этом может носить противоречивый и даже болезненный характер.

Таким образом, обращение к рассуждениям социальных антропологов о социальной структуре мы считаем возможным и обоснованным по нескольким причинам. Прежде всего, все современные институциональные образования в нашем обществе так или иначе произошли от древних своих аналогов, а следовательно в чем-то еще сохраняют их характеристики (конвенциональность, гибкость, адаптивность, выстраиваемость и т.д.). Затем, нельзя забывать о теоретическом опыте микросоциологических исследований социальных антропологов, поскольку их всегда интересовали исследования на примере конкретной культуры. Наконец, синтез предметного поля социологии образования и методологии социальной антропологии может высветить в новом свете старые, казалось бы хорошо изученные проблемы.

1. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология образования. – М.: Гардарики, 2005.
2. Леви-Строс. Мифологии. В 4-х. Том 1. Сырое и приготовленное. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999.
3. Малиновский М. Функциональная теория // Антология исследований культуры, Т.1: Интерпретации культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997.

4. Николаев В.Г. Сравнительная социология А.Р. Рэдклифф-Брауна // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
5. Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Е.С. Долгина
Нижевартовск

Антиутопическая диалектика: путь от «винтика» к человеку

The article deals with one of the main questions of antiutopian dialectics: the problem of consciousness awakening in totalitarian state. The article analyses the "conscious" evolution of D-503, a character of E.I. Zamyatin's novel "We". The author comes to the conclusion that antiutopian reality space prevents any further development of a thinking person in a totalitarian – technocratic state.

В научной концепции культуры Бахтина [1; 179] и художественных поисках Замятина 20-х годов отразилась глубинная коллизия эпохи,

продемонстрировавшая кризис личности, утрату каких бы то ни было условий, обеспечивающих личности независимость и суверенность. Отсю-